

«Не надо удивляться,— замечает Ортис,— что подобные взгляды явились фактической основой трактата, который назывался «О справедливых причинах войны против Индии». Вот предшественники нацистов!». Ортис рассматривает далее нелепые «научные» измышления нацистских «ученых»: Геттнера, Альфреда Розенберга, Людвига Клауса, Коссина, Геббельса и самого Гитлера. В главе «Соматическо-психологические свойства рас» Ортис говорит о различных соматическо-психологических классификациях. На обширном фактическом материале автор показывает прежде всего, что эти физическо-психологические свойства различают между собой не расы, а только индивидуумы и что вся серия характерных отличительных особенностей может быть установлена между индивидуумами одной и той же расы, а не между одной и другой «расой». В этой главе автор уделяет большое внимание работам И. П. Павлова. «Оригинальность исследований Павлова,— говорит Ортис,— состояла в изучении психики не как чистой функции головного мозга, а как функции среды». В главе «Психические свойства рас», автор также ссылается на русских исследователей: Михайловский, а затем Лазурский,— пишет он,— классифицируют психические человеческие типы согласно природе социальной среды, которая выдвигает свои требования и определяет поступки индивидуумов, а также согласно приспособлению таковых к среде». Глава, в которой автор более всего углубляется в социальную и экономическую сторону расовой проблемы, называется «Иерархия рас». После обзора псевдоучений Гобино, Густава Ле Бона, Мадисон Гранта, Лотроп Стодarta, Гумпреуса, Леви Брюля, Жана Фино и др. автор пишет: «Вся «наука о расах» представляет собой псевдонауку, цель которой состоит в том, чтобы снабжать аргументами врагов демократии и мира между нациями... Психологические различия между белыми и черными, если они и существуют, в основном случайного происхождения... Негр обязан своей чернотой менее всего своим темным предшественникам и более всего своим белым сожителям. Негр являлся негром не столько потому, что он родился черным, сколько потому, что общество лишило его света. Быть негром не означает быть черным, а означает быть зачерненным и униженным».

«Именно СССР,— пишет Ортис в заключение,— осуществил удачный, заслуживающий похвалы опыт ликвидации на своей необъятной территории всех социальных дискриминаций, осуществляемых под расовым предлогом».

В. Кутейщикова

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Géza Róheim, *The Eternal of the dream* (International University Press), New York, 1945, V, 270.

«Австралийскую культуру,— пишет автор,— можно трактовать двояко: либо как результат смещения ряда иммиграционных волн, либо как органическое единство, где вариации являются вторичными». Двадцать лет назад автор придерживался первой точки зрения (см. его «*Australian totemism*», London, 1925), теперь он придерживается второй. Однако его собственные идеи остались теми же, хотя форма их изложения и изменилась. «Поскольку речь идет о тотемизме,— пишет автор,— не было бы большой разницы, если бы мы продолжали придерживаться стратификационной теории». Уже в названии книги сказалась претенциозность идей автора. Все, что австралийцы племени аранта относят ко времени алчеринга, обязано своим возникновением, по его мнению, сновидениям или «дневным фантазиям» (day-dreams). Автор указывает при этом на слово «алгыра», переводя его как «сон», «снозидение», хотя в действительности слово «алгыра» означает, по К. Штрелову, «нечто, не имеющее начала». Во всяком случае, сны и времена алчеринга для аранта — разные понятия, для Рохейма же — одно и то же. Затем, как и следовало ожидать, на сцену выступает «комплекс Эдипа». Обряды инициации трактуются как стремление стариков кастрировать юношей, чтобы отделить их от матерей; слово «чуринга» переводится, как «*renis*» и т. д. Э. Тэйлор считал спиритуализм пережитком анимизма в XIX в.: «Медиум — это шаман во фраке», — писал он. Идеи Рохейма, повидимому, могут рассматриваться как пережиток фаллического культа в XX в. Все же материал, хотя и подобран автором очень тенденциозно, представляет сам по себе интерес для австралиоведа. В частности, целый ряд фактов, приведенных во второй главе для доказательства у аранта «комплекса Эдипа», свидетельствует о том, что у аранта более резко подчеркнут был принцип материнства, чем это обычно предполагалось. Очень ценным материалом являются мифы, собранные автором во время его полевой работы в Центральной Австралии в 1929 г.

Н. Бутинов